

Евгений Шварц

ТЕЛЕФОННАЯ
КНИЖКА

ВОСПОМИНАНИЯ

Санкт-Петербург

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ш 33

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Андрея Саукова
Составление и комментарии Ксении Кириленко

ISBN 978-5-389-23816-9

© Е. Л. Шварц (наследники), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Телефонная книжка» — уникальная форма воспоминаний, впервые примененная Евгением Львовичем Шварцем в мемуарной литературе. Записи этих воспоминаний велись писателем в составе его дневника. Основой их явилась старая потрепанная черная телефонная книжка, которая много лет постоянно была у него под рукой. К этой книжке почти ежедневно обращался Шварц, записывая телефоны лиц, с которыми творческая или человеческая судьба связывала его, или набирая номера телефонов писателей, артистов, режиссеров, художников, кинооператоров, в содружестве с которыми ставились спектакли в различных театрах, снимались фильмы в киностудиях, обсуждались проблемы литературно-театральной жизни. Немало здесь и записей о врачах.

В «Телефонной книжке» запечатлена целая галерея портретов современников, написанных точно, лаконично и ярко. За этими миниатюрами встает целая эпоха общественной и культурной жизни страны.

Не только людям посвящены записи, иногда «действующими лицами» становятся творческие союзы, театры, издательства, вокзалы, с которыми писателю часто приходилось вступать в те или иные отношения.

В записи от 24 марта 1955 г. Шварц сформулировал цель ведения «Телефонной книжки»: «Я еще вчера испытал некоторое смущение. Я пишу о живых людях, которых рассматриваю по мере сил подробно и точно, словно явление природы. Мне страшно с недавних пор, что люди сложнейшего времени, под его давлением принимавшие или не принимав-

шие сложнейшие формы, менявшиеся незаметно для себя или упорно не замечавшие перемен вокруг, — исчезнут. Нет, проще. Мне страшно, что всё, что сейчас шумит и живет вокруг — умрет, и никто их и словом не помянет — живущих. И это не вполне точно. Мне кажется, что любое живое лицо — это историческое лицо — и так далее, и так далее. Вот я и пишу, называя имена и фамилии исторических лиц».

В результате всех рассказов о людях и учреждениях складывается портрет самого Шварца, «чудесного писателя, нежного к человеку и злого ко всему, что мешает ему жить» (И. Г. Эренбург).

Шварц вел записи «Телефонной книжки» в дневнике с 19 января 1955 г. — по 11 октября 1956 г. Подлинники хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Часть записей вошла в книгу «Евгений Шварц. Живу беспокойно... Из дневников» (М.; Л., 1990).

В настоящем издании помещен полный текст воспоминаний, снабженный комментариями и именованным указателем.

В исключительных случаях в тексте встречаются повторы. Они возникают тогда, когда Е. Л. Шварц, редактируя текст, переписывает его. Повторы сохранены при публикации, так как они позволяют пристальнее всмотреться в творческую лабораторию писателя. В книге во многом сохранено также своеобразие пунктуации автора.

Составитель приносит благодарность лицам, оказавшим помощь в подготовке к изданию книги, — доктору искусствознания А. Я. Альтшуллеру, доктору медицинских наук М. В. Войно-Ясенецкому, старшему научному сотруднику Русского музея Л. А. Славовой, народной артистке России Е. В. Юнгер.

К. Кириленко

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ТЕЛЕФОННАЯ
КНИЖКА

1955 ГОД

19 января

Хотел затеять длинную работу: «Телефонная книжка». Взять нашу длинную черную книжку с алфавитом и, за фамилией фамилию, как записаны, так о них и рассказывать. Так и сделаю.

Акимов. О нем говорил не раз: ростом мал, глаза острые, внимательные, голубые. Всегда пружина заведена, двигатель на полном ходу. Все ясно в нем. Никакого тумана. Отсюда правдивость. Отсюда полное отсутствие, даже отрицание магического кристалла. Через него в некоторых случаях художник различает что-то там неясно. Как это можно! Жаден до смешного в денежных делах. До чудачества. Даже понимая, что надо потратиться, хотя бы на хозяйство — отдаст деньги не с вечера, а утром, когда уже пора идти на рынок. Знает за собой этот порок. Однажды я осуждал при нем скупую женщину.

20 января

И он возразил: «Не осуждай, не осуждай! Это страсть. Не может человек заставить себя расстаться с деньгами — и всё тут». Так же, говоря о ком-то, признал: «Он, как умный человек, позволяет себе больше, чем другие». И то и другое высказыванье нечаянное признание. Я не раз замечал, что художники скуповаты. Возможно, оттого, что уж слишком связаны с вещью. Но Акимов жаден еще и до власти, до славы, до жизни и, как человек умный, позволяет себе больше, чем

другие. Жаден до того, что не вылезает из драки. Есть множество видов драки. Теперь в театральных кругах победил вид наиболее мучительный для зрителя: вцепившись в противника когтями, разрывая пальцами рот, ударяя коленом в пах, борец кричит: «Необходима творческая среда!», «Без чувства локтя работать немислимо!», «Социалистический реализм!», «Высокая принципиальность!», «Не умеют у нас беречь людей!», — и так далее.

Акимов в драке правдив, ясен и смел до того, что противник, крича: «Мир хижинам, война дворцам!» или нечто подобное, — исчезает. Охлопков¹ любит говорить, что наше время подобно эпохе Возрождения: сильные люди, борьба страстей и так далее. Эта поэтическая формула разрешает ему куда больше, чем позволяет себе умный человек. Единственный боец, на которого я смотрю в этой свалке с удовольствием, — Акимов. Он не теряет чувства брезгливости, как безобразник эпохи Возрождения, не кричит, кусая врага: «Прекрасное должно быть величаво» (или «Призрак коммунизма бродит по Европе»), и, наконец, он чуть ли не единственный имеет в своей области пристрастия, привязанности, обнаруживает чуть ли не гениальное упорство. Правдив, правдив! Любит он и женщин. Иной раз кажется мне, что, помимо всего прочего, и тут сказывается его жадность — к власти, к успеху. Любит и вещи, как Лебедев², но с меньшей строгостью, традиционней. Я с ним никогда, в сущности, не был дружен — мы несоизмеримы. Я отчетливо, и он, думаю, тоже, понимает всю противоположность наших натур. Но жизнь свела нас, и я его чувствую как своего и болею за него душой.

21 января

В случае удач его мы встречаемся реже, потому что он тогда занят с утра до вечера, он меняет коней — то репетирует, то делает доклады в ВТО, то ведет бешеную борьбу с очередным врагом, то пишет портрет, обычно с очень красивой какой-нибудь девушки. И свалить его с ног могут только грипп или вечный его враг — живот. Вот каков первый из тех, что записан в моей телефонной книжке. Среди многих

моих друзей-врагов он наносил мне раны, не в пример прочим, исключительно доброкачественные, в прямом столкновении, или прямым и вполне объяснимым невниманием обезумевшего за азартной игрой банкомета. Но ему же обязан я тем, что довел до конца работу, без него брошенную бы на полдороге. И не одну. А как упорно добивался он, чтобы выехали мы в блокаду из Ленинграда. Впрочем, бессмысленно тут заводить графы прихода и расхода. Жизнь свела нас, и, слыша по телефону знакомый его голос, я испытываю сначала удовольствие. И только через несколько минут — неловкость и скованность в словах и мыслях, — уж слишком мы разные люди.

Вторым на букву «А» записан **Альтман**. Прелесть Натана Альтмана — в простоте, с которой он живет, пишет свои картины, ловит рыбу. Он ладный, желтолицый, толстогубый, седой. Когда еще юношей шел он пешком по шоссе между южнорусскими какими-то городами, навстречу ему попался пьяный офицер, верхом на коне. Заглянув Натану в лицо, он крикнул вдруг: «Япошка!» И в самом деле в лице его есть что-то дальневосточное. Говорит он с акцентом, но не еврейским, без напева. В отличие от Акимова пальцем не шевельнет для того, чтобы занять подобающее место за столом баккара. Во время эвакуации только, находясь в Молотове, сказал задумчиво: «Я до сих пор не придавал значения званиям и орденам — но с тех пор, как это стало вопросом меню...» Причем это последнее слово он произнес, как природный француз. Там же ловил он тараканов в своей комнате и красил их в разные цвета. А одного выкрасил золотом и сказал: «Это таракан-лауреат».

22 января

А потом подумал и прибавил: «Пусть его тараканиха удивится». Есть во всем его существе удивительная беспечность, заменяющая ту воинствующую независимость, что столь часто обнаруживают у гениев. Натан остается самим собой безо всякого шума. Когда принимали в союз какую-то художницу, Альтман неосторожно выразил свое к ней сочувственное

отношение. И Серов¹, громя его, привел это неосторожное выражение: «Альтман позволил себе сказать: на сером ленинградском фоне...» — и так далее. Отвечая, Альтман заявил: «Я не говорил — на сером ленинградском фоне. Я сказал — на нашем сером фоне». И, возражая, он был столь спокоен, наивен, до такой степени явно не понимал убийственности своей поправки, что его оставили в покое. Да, он какой есть, такой и есть. Всякий раз, встречая его, — а он ездит в Комарово ловить рыбу, — угадывая еще издали на шоссе его ладную фигурку, с беретом на седых — соль с перцем — густых волосах, испытываю я удовольствие. Вот подходит он легкий, заботливо одетый (он даже трусы заказывает по особому рисунку), на плече рыболовные снасти, в большинстве самодельные и отлично выполненные; как у многих художников, у него — золотые руки. Я люблю его рассказы — их прелесть все в той же простоте, и здоровье, и ясности. Как в Бретани жил он в пансионе, вдруг шум за стеной. За каменной стеной сада, где они обедали. Натан взобрался на стену — все селенье, включая собак, копошилось и шумело возле. Прибой — нет, — прилив на этот раз был силен, дошел до самой стены пансиона и, отходя, оставил в ямах множество рыбы. «Тут и макрель, и все, что хочешь. И ее брали руками». И я вижу и стену пансиона, и берег. Стал этот незамысловатый случай и моим воспоминанием. Так же, услышав о реке Аа, вспоминаю, как поехал Натан летом 14 года на эту речку ловить рыбу. И едва началась война, как пристав его арестовал. «Почему?» А пристав отвечает: «Мне приказано, в связи с войной, забирать всех подозрительных лиц. А мне сообщили, что вы футурист».

23 января

Альтман — со своей ладностью, легкостью, беретом — ощущается мною вне возраста. Человеком без возраста, хотя ему уже за шестьдесят. Козинцев² как-то сказал ему: «Слушайте, Натан, как вам не стыдно. Вам шестьдесят четыре года, а вы ухаживаете за девушкой». — «Это ее дело знать, сколько мне лет, а не мое», — ответил Натан спокойно. Во время съезда³,

ошеломленный жарой, бранью, оскорбленный собственной уязвимостью, общей бессмыслицей и громоздкостью происходящего, словом, в первые его четыре дня увидел я Альтмана, обычного Альтмана, вполне трезвого — я говорю не о водке, — освежающе спокойного. Как некое явление природы, напомнил он, что жизнь продолжается, а тяжелый хмель съезда ничего, в сущности, не значит. И я обрадовался ему, как радовался всегда, встретив в театре, на улице, на Комаровском шоссе, радуясь еще и прочности своего чувства. Он спросил: «Слушай, где у вас тут записывают на экскурсии в Кремль?» И я повел его к столику в углу фойе, и он записался. Как он пишет? Каковы его рисунки? Этого не стану определять. Не мое дело. Я знаю, что он художник, и не усомнился бы в этой его породе, даже если бы не видел ни его декораций, ни книг, ни картин.

Телефонная книжка, по которой веду я рассказ, заведена в 45 году, поэтому стоят в ней и фамилии друзей, которых уже нет на свете. И первый среди них, по алфавиту, — **Ефим Альтус**. Жизнь переплела наши судьбы очень сложно — он женился на Гане¹ вскоре после того, как мы с ней разошлись. Наташа² росла в его семье. Рассказывать это невозможно, да и не слишком интересно. Рассказывать о первом периоде наших отношений. Был он артистом талантливым. И считался умным. А я только недавно открыл, что так называют актеров думающих. Бог с ними, с актерами умными. Это, как правило, не актеры. И Станиславский — артист и режиссер думающий. Замечает он ряд вещей верно. В своих открытиях, как правило, то прав, то произволен, и в этом его прелесть и сила. Это открытия не ума, а темперамента. Впрочем, это особый разговор. Сложный.

24 января

Итак, принадлежал он к группе актеров думающих, беспокорных, как Бабочкин³, с которым он, кстати, дружил, или Чирков⁴. Такого вида актеры либо бродят из театра в театр, ищут режиссера по своей мерке, либо сами постепенно переключаются на режиссерскую работу. Альтус по темперамен-

ту своему отводил душу и тем и другим образом — и бродил, и сам ставил пьесы. Был он среднего роста, но первое впечатление обманывало: казался он ниже среднего. Из-за большой головы, лишенной волос, гладко выбритой. Большое лицо. Темные глаза. Страдал он тяжелой, нет, не тяжелой, — а мучительной болезнью — особой формой невралгии, когда схватывало ему затылок и шею и лежал он неподвижно, с грелкой, целыми часами. Упрямый, неуживчивый, неуступчивый, мальчик из огромной и бедной одесской еврейской семьи, ставший отличным русским актером. Путь нелегкий. Все, что удалось, было результатом собственных самостоятельных решений. Это и сделало его актером думающим. И всегда на свой лад. И постановки его, — всегда результат упорнейшего и самостоятельного [труда], — давались ему нелегко. Он болел за каждый участок спектакля. Однажды в Кирове подрался с бутафором и разбил стеклянный его глаз. Ссорился с актерами. Переписывал целые сцены из пьесы. И в результате в большинстве случаев выходил победителем, и ему прощали всё. Так же самостоятелен был он и в быту. Вносил усовершенствования в хозяйство. Клеил абажуры с собственными аппликациями, удобные для глаз. Имел точные взгляды на воспитание. И на лечение. Когда у Наташи было воспаление легких, он решил, что надо вынести елку из ее комнаты, ибо смолистый воздух слишком густ для больных органов дыхания. Очень характерное для людей впечатлительных, для этого вида сознания, не умозаключение, а чувствозаключение. И доктор едва убедил его, что он не прав. В Кирове посадили мы с Катей⁵ грядку табака и собрали урожай. И Альтус, подумав, сказал, что табак должен перебродить.

25 января

И, привыкнув, что только личные догадки и впечатления помогали ему и в работе и в жизни, стал он угадывать и колдовать над табачными листьями, а я любовался на все найденные им обряды. Лицо строгое, вдохновенное, словно чутье подсказывает нужный путь, а он вслушивается. Не знаю,

отразились ли чары на табаке, или тот таким уродился, но стал табак после того, как вывешивали мы его на солнце, потом клали под тюфяк, потом скидывали в тень, потом снова на солнце, — до того крепким, что все удивлялись. Все, что угадывал и приказывал Альтус, было, может быть, и не точно, однако, талантливо. И в его постановках, даже наименее удавшихся, всякий чувствовал и талант, и волю. Дома он был иной раз тяжел, но всегда зато и заботлив, и деятелен. В конце концов он разошелся с Холодовой. И в Ленинграде мы встречались реже. Наташа его очень любила и все вспоминала о нем. И он тоже — девочка выросла на его глазах. И вот как я увидел его в последний раз. Шел я в ясный солнечный день мимо филармонии и вижу знакомую большую голову, и веснушки, и большие темные глаза, и коренастую фигуру — Альтус стоит в компании актеров. Мы давно не виделись и оба обрадовались. Он тут только узнал, что Наташа невеста, и умилился и просиял так искренно, что я еще раз оценил верную, хоть и неукладистую его душу. И вскоре узнал об его внезапной смерти. И Наташа так плакала на его похоронах, что актеры долго вспоминали об этом и покачивали головами сочувственно. Не знаю, бывает ли кто-нибудь на Охтинском кладбище, на его могиле. Вдова — снова замужем. Мать и все родные погибли в Одессе. И я испытываю некоторый ужас, думая — неужели этот сильный, своеобразный, талантливый человек исчез со своей смертью? И ничего не останется? Быть этого не может.

Следующая запись такова: «Аэропорт».

26 января

Помню, почему я записал этот номер: «Первоклассницу» Фрэнз¹ снимал в Ялте, и очень хотелось ему, чтобы я прилетел, хотя бы на последние дни съемки. (Следовательно, это была осень 47 года.) Регулярное летнее движение кончилось уже, но самолеты еще поддерживали связь с Адлером или Симферополем. По мере того, как накапливался груз или пассажиры, отправлялся самолет в рейс. Мне и хотелось на юг и не хотелось — никак я не мог решить, что делать, но те-

лефон аэропорта записал. Расположен был он в те дни далеко от Ленинграда, в Ржевке. Думаю, что сыграло это роль в том, что я так и не решился улететь. И дорога к аэродрому, и он сам наводили тоску. Ухабистая, не ожившая с блокады дорога. Бараки. В одном из таких ждали мы самолета 10–11 декабря 41 года. Уныние. Когда я увидел в телефонной книжке слово «аэропорт», то представилось мне нечто противоположное. Белое здание, до того молодое или на днях подновленное, что извесьтю пахло. Колонны, как повелось в послевоенных стройках. Пройдешь через вокзал — и соединение бетонных широких дорог и высокой травы, загородный воздух и запах бензина — сразу удивляют и мешают радоваться. Так, наверное, чувствовал бы себя я на железнодорожном вокзале, попади на его перрон впервые в жизни сейчас, человеком сильно взрослым. И все же в путаницу понятий входит новое чувство. Занимает свое место среди укоренившихся древних. Чувство воздушного вокзала. Помогают этому самолеты — как-никак, а родные братья первого аэроплана, что увидел я в детстве. Был он системы Блерио², а принадлежал летчику Кузминскому³. И в новых пассажирских самолетах то же движение — от хвоста вверх. Те же колеса. То же семейное сходство в выражении широко распахнутых крыльев. Одно чувство, острое и сильное, но не имеющее имени, пережил я, увидев впервые полет.

27 января

Пережил я это чувство в тот самый миг, когда аэроплан Кузминского вдруг отделился от земли. И теперь не могу я найти названия этому чувству. Как всегда, подобные переживания дразнят тем, что вот-вот или вспомнишь их смысл, или поймешь, только надо чуть-чуть постараться. И никогда не переходишь эту границу сознания. И сколько я потом ни старался поймать тот самый миг, когда самолет меняет бег на полет, второй раз не пережил я ясного по силе и темного по смыслу чувства. Последний раз я встречал года два назад на Средней Рогатке Наташу и Андрюшу⁴. И трава, и бетонные дорожки, и люди возле самолетов — механики в проз-

одежде — далеко в летнем дрожащем воздухе, тут и вокзал и что-то совсем другое, просторное и в родстве не только с первыми самолетами, а и с дилижансами. Но вот появляется самолет серебряный, легкий — видишь, что вокзал ни на что не похож. Это новое. Это совсем не то, что черная полоска дыма, когда ждешь пароход. Это не двигающийся среди неподвижных составов, переходящий с пути на путь к твоей платформе поезд, который ты встречаешь. Легкий серебряный самолет делает один поворот в воздухе, другой, легко идет на снижение. Как трава вокруг бетонных дорожек, как ласточки, что шныряют у гнезд под карнизом вокзала — тут, кроме машины, еще и искусство. Летчик вел машину по воздуху на свой лад. Но вот самолет бежит уже по бетонной дорожке. Останавливается на площадке. Встречающих не пускают за барьер. Мы видим, как подкатывают к дверям самолета лестницу с площадкой. И пассажиры выходят. Я со своей дальновзоркостью вижу каждого. Как правило, те, кого вы встречаете, выходят не среди первых. И когда я уже начинаю пугаться, — то узнаю дочь с крошечным Андрюшкой на руках. Положив голову на плечо Наташе, он вяло, как бы ничего не видя, поглядывает вокруг. На самом-то деле он не только все видит.

28 января

Он и все запоминает. И рассказывает нам подробно через неделю-другую, кто его встречал, и кто что сказал, и кто нес чемоданы, и как сели в машину. Все он запомнил. И для него самолет и аэропорт будут понятиями, усвоенными с самого раннего детства, а чувства, вызываемые этими понятиями, — ясными, прочно укоренившимися.

Перед словом «Аэропорт» стоит в телефонной книжке фамилия **Авраменко**. Я было ее пропустил. Умышленно. Мне почти что нечего сказать об этом старом знакомом. Но в телефонной книжке записывают разные фамилии, на то она сделана. Ее сущность в отсутствии умышленного подбора. Единственный порядок, свойственный ей — алфавитный. Авраменко живет этажом выше меня. Он поэт. У него

есть сын и внук. Но при этом седые волосы у поэта отсутствуют и выглядит он полнокровно. В последние годы отпустил усы — не то польский пан, не то Тарас Бульба. Стихи его не слишком выделяются из общей массы, но его часто печатают и часто ругают. Он из касты незащищенных. Саянова¹, ничем его не превышающего, ругать не смеют. Он попал в группу защищенных. Авраменко очень оживляется, еще молодеет в тяжелые для союза времена. И в черные дни пишет страшные, предательские статьи, вырывается вон злоба, накапливаемая годами. Союз писателей по идее — союз необыкновенных людей. И самолюбие обыкновенного человека там, в силу порядка вещей, вечно раскалено. Правда, страшные статьи свои Авраменко пишет или подписывает не один. И черные дни сами по себе так ужасны, что не выделяются статьи моего усатого соседа, поэта и дедушки, из общей массы. И когда черные дни сменяются серыми, уходят в прошлое, забываются статьи Авраменко и Колоколова², или с кем он еще там подпишется при случае.

Далее в телефонной книжке идет фамилия, попавшая на букву «А» по недоразумению. Катя думала, что фамилия нашего бородатого сердитого, безумного и острого комаровского знакомого пишется «Арбели». Он живет летом в академическом поселке.

29 января

Знакомы сначала, с давних времен, мы были с Тотей — она же Антонина Николаевна¹ — живая, близорукая, привлекательная, скорее высокая, тощенькая. Знали мы, что она альпинистка, искусствовед, умная женщина. Была замужем за историком Щеголевым², овдовела. Я сомневался в ее уме. В интеллигентских кругах возле искусства выработался свой жаргон, и женщины, овладевшие им, легко зачисляются в категорию умных. Особенно их много возле театра, жаргон тут беднее эрмитажного, но зато непристойнее и веселее. Тут женщины, овладевшие им, называются не умными, а остроумными. Попугаи, повторяющие чужие слова, обнаруживаются просто. Но попугаи, схватывающие чужой круг идей, чис-

лятся людьми. Поэтому я с недоверием принял утверждение насчет Тотиного ума. Несколько лет назад вдруг вышла она замуж за своего начальника академика **Орбели** и родила мальчика³. Ей было за сорок, мужу за шестьдесят, и вот в этот период жизни познакомились мы с ней ближе, а с Иосифом Абгаровичем — заново. Прежде всего я, не без удовольствия, убедился в том, что Тотя и в самом деле умная. Она любила своего мальчика до полного безумия и однажды определила это так: «Смотрю на пейзаж Руссо⁴. Отличный пейзаж, но что-то мне мешает. Что? И вдруг соображаю: воды много. Сыро. Ребенку вредно». Прелестно рассказала она о собрании в академическом поселке перед его заселением. Собрались будущие владельцы или их жены. В те дни неизвестно еще было — в собственность получают академики дачи или в пожизненное владение. Это особенно волновало членов семьи. И вот, сначала иносказательно, стали выяснять, что будет, так сказать, по окончании владения, — если оно только пожизненное. Куда денут иждивенцев? А потом, по мере того как страсти разгорались, вещи начали называть своими именами. Все академики были живы еще, но ораторши говорили: «Вдовы, вдовы, вдовы». И никого это не пугало.

Иосиф Абгарович слегка сутуловат. Огромная седая борода. Огненные глаза.

30 января

Огненные глаза. Одет небрежно, что, впрочем, у академиков и ученых в обычае. Люди, работавшие с ним, вспоминают эти годы с ужасом: трудно объяснить его отношение к тебе на сегодняшний день, и когда произойдет взрыв, угадать нельзя. Он из людей, которым власть необходима органически, без нее им и жизнь не в жизнь. За годы работы своей в Эрмитаже он, словно настоящий завоеватель, распространил власть свою на все залы Зимнего дворца, забрав покои, так называемые исторические комнаты — личные апартаменты царей — и Музей революции. Когда началась война, то он с удивительной быстротой и отчетливостью эвакуировал весь музей — все у него было подготовлено. Славилось его уме-

ние выискивать и приобретать картины, пополнять эрмитажные коллекции — так говорили о нем в городе. Я был далек от Эрмитажа — повторяю то, что говорилось. А видел я своими глазами, как исторические комнаты исчезли и Музей революции впал в совершенное ничтожество. Видел, как на премьерах, на торжественных заседаниях появлялся спокойно, по-хозяйски академик Орбели, с большой своей бородицей, с академической шапочкой на редущих волосах. В Комарово узнал я его поближе. Я сторонюсь людей властных, умеющих раскаляться добела чистой и беспричинной ненавистью. И я особенно остерегаюсь сановных людей. Не чиновников, а знатных людей. Однако вышло так, что стали мы иной раз встречаться. И отчасти потому, что я детский писатель, а Иосиф Абгарович страстно, не меньше, чем Тотя, а может быть, и отчаянней, любит сына. И когда тот пошел в школу, академик вошел в родительский совет. И ходил вместе с мальчиком знакомиться к Бианки⁵, когда Виталий жил в Доме творчества. Итак, мы стали иной раз встречаться, и я разглядывал Иосифа Абгаровича с глубоким любопытством. Я, болея, сомневаюсь и, радуясь, сомневаюсь, имею ли я на это право.

31 января

Уверенность в законности и даже обязательности собственных чувств у него доходила до живописности. Были чувства эти сплошь отрицательные. Точки приложения — бесконечно разнообразные. Однажды, например, говорил он с ненавистью о молодой луне. В молодости работал он где-то на раскопках. И в небе в те дни, когда у Орбели были очень тяжелые переживания, стоял точно такой серп. И Орбели возненавидел луну, правда, только в этой фазе. От силы его чувств пострадал однажды целый коллектив. В Москве собирались пересмотреть зарплату эрмитажных работников. Сильно увеличить ее, как только что увеличили в академических театрах. Увидев штатное расписание и новую смету, Орбели обнаружил, что какие-то особо и безумно ненавидимые им сотрудники будут получать более двух тысяч

в месяц. И он задержал утверждение нового порядка зарплаты. И весь коллектив пал жертвой его ненависти к двум людям. Вскоре после того, как Иосиф Абгарович придержал увеличение зарплаты, его сняли с директорства. А новый не поднимал этого вопроса, так все и осталось, и два ненавистных сотрудника, а с ними и весь коллектив остались при старой зарплате. Снят с работы Орбели был по причинам стихийного порядка, с его личностью не связанным. Тут я особенно часто встречал его в Комарово — времени-то у него прибавилось. И я оценил его главное и основное свойство — талантливость. Все, что я рассказывал, — мелкие подробности. Пена, брызги, грохот, летят доски — разбило корабль — все это только признаки моря. Да, море имелось в наличии. И со всей своей стихийностью и чудачествами Орбели вызывал уважение. Правда, маленький Саша Козинцев⁶, увидев его огромную бороду, раздражался каждый раз горьким плачем. Однажды его уговорами и приказаниями заставили поздороваться с Иосифом Абгаровичем. Но едва тот ушел, как мальчик повалился на песок, рыдая.

1 февраля

И повторяя: «Мама, ну разве он не ужасный!»

Следующая запись такова: «**Александра Константиновна**». Это могучего роста, сложения и голоса очень пожилая женщина, которая живет с энергией, не изменившейся с молодых ее лет. Нет, не ослабевшей, но изменившейся. То, что уходило на театр (она бывшая актриса), на любовь, уходит на то, чтобы крепко стоять своими тяжелыми ногами на земле. И работает и болеет она с шумом и темпераментом своей юности. Если заходит она по делу, то в нашей маленькой квартире делается еще более тесно. С ней связано одно странное открытие. Она людей, которые заказывают ей связать галстук, скажем, не считает за людей. Впрочем, я не то хотел сказать. Странное это открытие в двух словах не разъяснишь, и касается это не всяких заказчиков и фраеров.

Дальше идет фамилия, переносящая меня в Комарово: **Вера Никифоровна Александрова**. Полагаю, что фамилия

Шварц Е.

Ш 33 Телефонная книжка : воспоминания / Евгений Шварц. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-23816-9

Книга воспоминаний автора «Тени» и «Обыкновенного чуда», «Дракона» и сценария к «Золушке», мудреца и сказочника Евгения Шварца, названная по-домашнему «Телефонной книжкой», в мемуарной литературе аналогов не имеет. Во-первых, это настоящая проза, написанная исключительно для себя, без оглядки на современников и цензуру, и поэтому абсолютно правдивая. Во-вторых, это благородная проза, как благороден ее создатель, — лишенная зависти и нытья, строгая к самому автору и справедливая к изображенным в ней жизненным персонажам.

Почему «Телефонная книжка», а не просто «Книга воспоминаний»? Потому что черновиком для памяти была реальная телефонная книжка с фамилиями реальных людей, с которыми встречался писатель в жизни, — от «А» до «Я». От известных, именитых, прославленных, обласканных любовью народной до малых мира сего, не претендующих на особую славу, — мастера по установке телефонов или театральной портнихи.

Сам Шварц задачу создания книги сформулировал так: «Я пишу о живых людях, которых рассматриваю по мере сил подробно и точно, словно явление природы. Мне страшно с недавних пор, что люди сложнейшего времени, под его давлением принимавшие или не принимавшие сложнейшие формы, менявшиеся незаметно для себя или упорно не замечавшие перемен вокруг, — исчезнут. Нет, проще. Мне страшно, что все, что сейчас шумит и живет вокруг, — умрет, и никто их и словом не помянет — живущих. И это не вполне точно. Мне кажется, что любое живое лицо — это историческое лицо — и так далее, и так далее. Вот я и пишу, называя имена и фамилии исторических лиц».

И эту поставленную задачу писатель выполнил с честью.

УДК 82-941

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ ШВАРЦ
ТЕЛЕФОННАЯ КНИЖКА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 02.02.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-NFB-32771-01-R